

О сопоставительной стилистике русского и болгарского языков

ВАЛЕНТИНА АВРАМОВА
(Шумен)

Сопоставительно-стилистические исследования имеют давнюю традицию, но пока нет работ, в которых стилистические явления анализировались бы системно. Из всех областей контрастивного описания языков сопоставительная стилистика является наименее разработанной, она пока не нашла своего облика, своей специфики, и поэтому сопоставительно-стилистические исследования относятся «либо к сравнительной типологии, либо к теории перевода, чем к стилистике» (Долинин 1978: 86). Не без основания исследователи делают вывод о том, что сопоставительная стилистика не должна быть ни частью сравнительной типологии языков, ни частью теории перевода. «Она должна конституироваться как самостоятельная отрасль контрастивной лингвистики со своими собственными разделами и задачами» (Гак 1988: 49). Сопоставительно-стилистические исследования предполагают «изучение системы стилей в двух языках, стилистических функций аналогичных языковых средств, способов выражения стилистических категорий, общих национальных стилистических особенностей языка, проявляющихся в организации высказывания» (там же 53).

Представляется, что работа по сопоставительной стилистике русского и болгарского языков может иметь два этапа исследований. На первом этапе внимание исследователей должно быть сосредоточено на сопоставлении стилистических ресурсов обоих языков, в частности, на установлении сходства и расхождения выражения стилистическими средствами того или иного предметно-логического содержания. Во

второй части сопоставительной стилистики следует обратиться к сопоставлению функциональных стилей русского и болгарского языков.

Сопоставительные исследования стилистических систем двух языков традиционно проводятся поуровневым способом (см. Булахов 1979, Ижакевич и др. 1980, *Проблемы...* 1981), т.е. рассматриваются стилистические возможности языковых единиц на различных уровнях – фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. Другими словами, рассматриваются категории языка, на которые накладываются стилистические значения. Представляется, что сопоставительно-стилистические исследования должны проводиться на основе анализа стилистических категорий и стилистических процессов, так как невозможно провести параллели между всеми категориями всех уровней двух сопоставляемых языков ввиду наличия специфических языковых категорий в одном или в каждом из двух сопоставляемых языков. Например, отсутствие падежной системы имен и категории инфинитива глагола в болгарском языке и отсутствие разветвленной системы глагольных форм, категории пересказывательного наклонения и членной формы в русском языке. Сопоставительно-стилистические исследований в данном случае перешли бы в сферу переводческих параллелей. Можно сделать заключение о том, что анализ стилистических категорий и стилистических процессов следует проводиться в ономаσιологическом плане, который совпадает с анализом функционально-стилистических полей (Гак 1988: 52), примерный список которых можно найти в этой работе.

О функциональных семантико-стилистических категориях или полях писала М.Н. Кожина, подразумевая под этим названием стилевые черты либо стилистические приемы (Кожина 1987: 40). В.Г. Гак выделяет следующие оппозиции: экспрессивность : неэкспрессивность, абстрактность : конкретность (уточнение), субъективация : десубъективация, связанность : расчлененность, динамичность : статичность, нейтральность : специфичность и др. Номенклатура функционально-стилистических полей пока не составлена. Элементами функционально-стилистических полей (ФСтП) могут быть: а) языковые единицы различных уровней, которым имманентно присуща стилистическая окраска; б) языковые единицы различных уровней (они

могут быть и стилистически нейтральными), стилистическое значение которых контекстуально обусловлено. Структура ФСтП может быть представлена языковыми единицами двух типов или только одного из них. Таким образом, ФСтП оформляется как система разноуровневых и разноструктурных стилистически значимых языковых единиц (фонетических, лексических, фразеологических, словообразовательных, морфологических, синтаксических), объединенных общим стилистическим значением с наличием семантического компонента и общей стилистической функцией.

Некоторые стилистически значимые языковые единицы обладают одновременно функционально-стилевой и экспрессивно-стилистической окрашенностью, т.е., они могут оказаться средствами выражения стилистических значений двух различных ФСтП или микрополей. Например, в лексической системе русского и болгарского языков имеется пласт слов с двойной окраской: «книжное» и «официально-деловое» (*истец, кодификация, наличествовать, потерпевший*). Они могут являться средствами ФСтП абстрактности и ФСтП стандартизованности, или «книжное» и «публицистическое» (*антагонизм, демократия, дискриминация*), «книжное» и «поэтическое» (*мечтания, восславить, лучезарный*). Т.е., возможно пересечение ФСтП. Очевидно, сопоставление стилистических систем двух языков является результативным именно в русле анализа ФСтП из-за специфичности стилистически окрашенного материала, с которым располагает каждый из сопоставляемых языков. Возникают, однако, трудности иного характера: отсутствие пока полной упорядоченности, систематизации стилистических понятий, а часто и категорий, в национальной лингвистической традиции каждого из сопоставляемых языков.

Представим в тезисной форме сопоставительно-стилистическое описание ФСтП экспрессивности. Категория экспрессивности (лат. *expressus* «выразительный, четкий») относится к наиболее спорных стилистических категорий. Эта категория понимается нами как категория, связанная с ненейтральным употреблением языковых единиц, выделяемых на нейтральном речевом фоне. Обобщенное значение ненейтральности дает нам основание считать ее родовой, в которой выделяются видовые стилистические категории эмотивности, оценочности, интенсивности и образности. Мы различаем две разновидности экспрессивных языковых единиц: ингерентную (языковую, узуальную) и

адгерентную (речевую, контекстуальную). Языковые единицы, обладающие ингерентной экспрессией, характеризуются постоянно присущими им формальными и/или семантическими признаками и являются экспрессивными в любом контексте.

Эмотивность нами понимается как «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики» (Шаховский 1987: 24), оценочность трактуется как «квалификация обозначаемого предмета или его свойств, признаков как “хорошее” или “плохое” по отношению к социальной норме» (там же 27). Эмотивность может сопровождаться оценочностью (ср. *Какой ты неуклюжий!*), но слияние оценочного и эмотивного не всегда обязательно, ср., например: *душечка, голубчик*, где отсутствует оценка. Эмотивность присутствует в оценке, но оценка не всегда эмотивна. Интенсивность также всегда сопровождается эмотивностью, ср.: *буря аплодисментов; Тысячу раз я тебе говорила! Стопты ти казах!*

Компонентами эмоционально-оценочной структуры являются: 1) специальная лексика с включенными в ее значение эмоциональными элементами, социально-значимая (рус. *кляча, зубрила, крохотный, сговориться*, болг. *шарлатанин, маймуна*); 2) языковые единицы, характеризующиеся эмоционально-оценочной энантиосемией (рус. *Очаровал ты меня, проклятый, Знаем мы такех!*, болг. *Аз тък џе ти повярвам!*); 3) нейтральное слово, получающее в контексте эмотивную окрашенность (рус. *букет, капкан, крошка*, болг. *капан, каша, попара*); 4) архаизмы, поэтизмы, окказиональные образования; 5) метафорические образования, зоолексика, мифолексика; 6) слова с оценочно-характеризующими аффиксами; 7) имена собственные в форме мн.ч., обладающие характеризующим значением; 8) категории глагола в транспозиции; 9) звукоподражания и звуко-символизмы; 10) аффективы, включающие междометия и междометные слова, бранную лексику, вульгарную лексику, эмоциональные адресативы (рус. *старик, дружище*); 11) экспрессивные фразеологические единицы; 12) синтаксические структуры: предложения восклицательные, побудительные, предложения с однородными частями, повторами, параллелизмом, парцелляцией, эллиптические бессоюзные предложения, конструкции с инверсией и др.; 13) синтаксические конструкции, связанные с определенной интонацией (рус. *Стану я читать!*, болг. *Много знаеш!*); 14) использование кавычек в

экспрессивных целях (рус. *В душе он искренне проклинал своего «сердечного друга»*).

Интенсивность, как микрополе экспрессивности, связана с качественно-количественной характеристикой обозначаемого языковой единицей явления. Интенсивность выражается: 1) словом (рус. *титан, ничтожный, жаснуть, (нравиться) до безумия*, болг. *великан, колосален, бльсканица, пропция, здравата, (отпуснал се) до немай-къде*); 2) сочетанием двух нейтральных слов, одно из которых в данном сочетании приобретает метафорическое значение (рус. *адская погода, дурацкий костюм, лавина слов, рой мыслей*, болг. *ужасно красив, вулкан от страсти*); 3) степенями сравнения; 4) словами с диффузной семантикой или многозначными словами, экспрессивность которых проявляется в контексте (рус. *чихвостить стены, пол, кур, уток, сына, внука*); 5) предложения восклицательные, вопросительные, некоторые сложноподчиненные (рус. *Вот голос так голос! Всем пирогам пирог!*, болг. *Е, сетне?*). Специфическими для русского языка являются несвободные бессоюзные соединения, обозначающие интенсивность и полноту проявления признака, состоящие из личных форм глагола и однокоренных наречий, типа *лежмя лежит, ревямя ревет, ливмя льет*.

Образность реализуется в наглядном представлении о некоем реальном предмете, явлении, свойстве, отношении, связанном с языковой единицей, одновременно характеризуя ее с качественно-количественной стороны, например, *Что ты мямлишь?* или *дармод, кочевряжиться, раздраконить*. Образность часто перекрещивается с оценочностью и интенсивностью. Средствами выражения образности могут быть слова с образной семантикой, коннотированные антропонимы, экзотизмы, сравнение через отрицание (*Не ребенок, а горе!*) и др. Образность в наибольшей степени является специфической для каждого из сопоставляемых языков, так как она тесно связана с национальным мировосприятием и образом мышления.

Сопоставительный анализ корпуса языковых средств, характеризующих ФСтII экспрессивности, показал бы, что номенклатура языковых средств в русском и болгарском языках, в основном, совпадает. Различия проявляются в наличии/отсутствии некоторых компонентов экспрессивной выразительности (например, статус турцизмов, весьма экспрессивных в болгарском языке, отличается по многим параметрам от сходной группы тюркизмов в русском языке; отсутствие двух форм

прилагательных в болгарском языке), в количественной характеристике языковых средств (например, количественное преимущество и активное употребление и функционирование суффиксов субъективной оценки в русском языке в сравнении с болгарским языком), в употребительности/неупотребительности, или большей/меньшей степени употребительности языковых единиц в двух языках. Все эти особенности характеризуют отдельные микросистемы языковых средств, а также отдельные единицы тех или иных микрополей. Так, например, экспрессивные формы прилагательных и существительных неодушевленных имеют меньшую частотность употребления в болгарском языке в сравнении с русским языком.

Очевидно, во втором разделе сопоставительной стилистики русского и болгарского языков предполагается изучение системы функциональных стилей двух языков. Исследователи стилистики русского и болгарского языков выделяют пять стилей, располагающих общими и специфическими стилистическими особенностями языка, выраженными различным набором стилистически маркированных средств. Эта задача может быть выполнена лишь после появления исследований систем функциональных стилей в двух языках. Эта задача пока частично решена для болгарского языка. Но, по-видимому, следует учитывать и динамику развития общественной жизни и ее проекцию на язык: Л.П. Крысином убедительно предложен религиозно-проповеднический стиль в парадигме современного русского литературного языка, это предложение изменяет традиционное выделение функциональных разновидностей в русском языке (Крысин 1996). Но этот вопрос ждет своих исследователей для того, чтобы данный стиль занял бы подобающее ему место в ряду других функциональных стилей.

Актуальный подход к изучению языковых явлений в современной лингвистике, а именно, антропоцентрический подход, несомненно, следует применить и к сопоставительно-стилистическим исследованиям двух языков, в частности, русского и болгарского. Этот подход нужен для сопоставительно-стилистических исследований еще в большей степени потому, что стилистические явления теснейшим образом связаны с национальной культурой и с национальным менталитетом.

Литература

- Булахов М.Г., 1979, *Основные вопросы сопоставительной стилистики русского и белорусского языков*, Минск
- Гак В.Г., 1988, *О сопоставительной стилистике. – Методы сопоставительного изучения языков*, Москва.
- Долинин К.А., 1978, *Стилистика французского языка*, Москва.
- Ижакевич Г.П., Кононенко В.И., Пилинский Н.Н., Сиротина В.А., 1980, *Сопоставительная стилистика русского и украинского языков*, Киев
- Крысин Л.П., 1996, *Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка. – Поэтика. Стилистика. Язык и культура*, Москва.
- Проблемы сопоставительной стилистики восточно-славянских языков*, Киев 1981.
- Шаховский В.И., 1987, *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*, Воронеж.

On Comparative Stylistics of the Russian and the Bulgarian Language

The paper discusses comparative stylistics which consists of two parts. Part one deals with comparative stylistics of the resources of the Russian and Bulgarian language. Part two analyses the functional styles of the Russian and the Bulgarian language. The stylistic resources of the Russian and the Bulgarian language are to be investigated in terms of functional and stylistic fields.

Key words: *comparative stylistics, functional and stylistic fields.*

[e-mail: valentav@abv.bg]